

существительных составляют немотивированные слова: *боль, обман, ум, прав, ужас, лень, печаль, мест*.

Отвлеченные существительные могут развивать вторичные значения, связанные с наименованием конкретных явлений и предметов. Ср.: *сооружение памятника — величественное сооружение; крутизна склона — стоять на крутизне; умственный труд — научный труд* ('результат деятельности, произведение') и т. п.²⁵

По традиции отвлеченным существительным нередко противопоставляются конкретные существительные, выделяемые в самостоятельный лексико-грамматический разряд [Современный русский язык, 1964, с. 29; Моисеев, 1980, с. 132–133; Русская грамматика, 1980, I, с. 462; Шанский, Тихонов, 1987, с. 98]. Семантической спецификой конкретных существительных принято считать то, что они обозначают предметы, которые существуют «в виде отдельных экземпляров или особей» [Шанский, Тихонов, 1987, с. 98]. Однако степень «отдельности» называемых предметов может быть различной и зависит как от особенностей физической природы обозначаемых существей, так и от того, с помощью каких органов чувств (или без их участия) они воспринимаются человеком (ср. *яблоко, камень, книга и огонь, выхрь, дым, пожар, тень, сон, небо, весна, тема, вселенная*). Выясняется, что, опираясь только на значение, четко обозначенную границу между конкретными и абстрактными существительными установить трудно: есть много переходных и неясных случаев [Моисеев, 1980, с. 132–133]. Более надежным критерием отдельности (конкретности) становится возможность называемых существей подвергаться счету: «Конкретные существительные — это слова, называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счету (разрядка наша. — Авт.): *карандаш, кольцо, инженер, поединок, война*» [Русская грамматика, 1980, I, с. 462]. Легко заметить, что в данном случае термин «конкретные существительные» используется для обозначения считаемых существительных. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в случае противопоставления конкретных и отвлеченных существительных мы имеем дело с оппозицией по чисто семантическому признаку, которая никак не поддерживается грамматически. Помимо этого, очевидно, что данное противопоставление выводится из более общего противопоставления считаемых (исчисляемых) и нечисляемых (неисчисляемых) существительных.

Подведем итоги обзора лексико-грамматических разрядов существительных. Распространенным является выделение в рамках существительных следующих лексико-грамматических разрядов:

²⁵ Во вторичном, конкретном значении такие существительные могут образовывать формы мн. числа (*древние сооружения, список печатных трудов*).

1) собственных и нарицательных; 2) конкретных и отвлеченных (абстрактных); 3) собирательных, 4) вещественных²⁶ [см.: Буланин, 1976б, с. 30; Русская грамматика, 1980, I, с. 460; Камынина, 1999, с. 42–45; Современный русский язык, 1999, с. 386]. При этом отмечается, что отвлеченные (абстрактные), собирательные и вещественные представлены только нарицательными существительными [Буланин, 1976б, с. 37]. При таком подходе принципы дифференциации нарицательных имен на лексико-грамматические разряды оказываются неприменимы к дифференциации собственных имен. Однако если для имен существительных в целом ввести деление на считаемые (исчисляемые) и нечисляемые (неисчисляемые), то часть имен собственных типа *Николай, Нина, Василий*, как уже указывалось, в эту оппозицию впишется. Помимо этого, противопоставление считаемых (исчисляемых) и нечисляемых (неисчисляемых) существительных связано с категорией числа (т. е. основано на грамматическом аспекте дифференциации русских существительных), и опора на него позволяет исключить из системы лексико-грамматических разрядов конкретные существительные, противополжение которых абстрактным опирается исключительно на семантический фактор. Таким образом, введение оппозиции считаемые (исчисляемые) / нечисляемые (неисчисляемые) существительные дает возможность подойти к выделению лексико-грамматических разрядов существительных с более строгих «грамматических» позиций.

§ 3. Категория одушевленности — неодушевленности

В основе разделения существительных на одушевленные и неодушевленные лежит представление о живом и неживом. Семантическая доминанта этого представления, используемая в его лингвистических описаниях, может определяться по-разному. Традиционное и несколько упрощенное толкование этой оппозиции для русского языка сводится к тому, что одушевленные существительные называют людей и животных (*сын, внучка, слесарь, ученица, пес, куница, воробей, синица, судак, стерлядь, жук, муха, животное*), а неодушевленные существительные называют все другие предметы и явления (*стул, лампа, яблоко, университет, роца, тундра, уверенность, событие, пробегжа*) [Русская грамматика, 1980, I, с. 462].

Как видим, предложенное толкование не совпадает с научным представлением о различении живого и неживого в природе: к оду-

²⁶ Кроме того, к сфере описания лексико-грамматических разрядов традиционно относят оппозицию существительных по одушевленности — неодушевленности. В данном пособии, как уже отмечалось, эта оппозиция будет рассмотрена в разделе, посвященном морфологическим категориям.

швенным существительным не относятся названия органического (живого), т. е. названия деревьев и растений (*ясень, береза, тюльпан, роза, трава* и т. п.)²⁷.

Не отвечает это разделение и бытовому отношению к живому и неживому: одушевленность представляет собой постоянный грамматический признак существительного, поэтому в грамматическом смысле любой поросенок (ср. *весело резвящийся и похрюкивающий поросенок* и *поджаренный поросенок*) или любая синица (ср. *перелетающая с ветки на ветку синица* и *замерзшая в стужу синица*) будут отнесены к одушевленным существительным (см. ниже).

Однако и языковое представление семантических оснований противопоставления «одушевленное — неодушевленное» тоже неоднозначно. Согласно мнению Л. Ельмслева, почти во всех языках мира данное различие наиболее отчетливо проявляется в употреблении местоимений, особенно в функционировании вопросительных местоимений [см. об этом: Басманова, 1977, с. 40]. Не случайно в российской школьной традиции преподавания грамматики дифференциация одушевленных и неодушевленных существительных по значению чаще всего связывается с характером вопроса (кто? или что?). И хотя метод постановки вопросов как критерий практического распознавания одушевленности — неодушевленности в целом ряде случаев не может быть использован (см. ниже), все-таки для носителя русского языка граница между этими понятиями осознается так: названия лиц (антропониимы) и названия животных, рыб, птиц и т. д. (фаунонимы) относятся к одушевленному (кто?), а к неодушевленному (что?) — все остальные названия. Для носителя, например, французского языка этот рубеж будет осознаваться иначе: «фаунонимы стоят ближе к названиям предметов, а не к антропонимам» [Там же, с. 52], поэтому на первый план выходит оппозиция 'лицо / предмет', т. е. семантически доминантным становится противопоставление людей всем прочим объектам²⁸. Но даже в рамках одного языка семантическая граница между одушевленностью — не-

²⁷ «Языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии. Например, различение органической, живой и неорганической природы не находит отражения в грамматике современного языка (*растение, дуб, клен, липа, тростник* и т. п. оказываются для языка "предметами неодушевленными")» [Виноградов, 1986, с. 83]. Ср.: «Объем класса живых существ также неодинаков в разных культурах, так, в славянских языках (где признак одушевленности играет большую роль) деревья не входят в этот класс, а в алгонкинских языках — входят» [Плунгян, 2000, с. 153].

²⁸ Ср.: «В английском языке даже названия животных не включаются в категорию одушевленности, суживающуюся, таким образом, до границ категории лица» [Виноградов, 1986, с. 83]. Подытоживая, можно сказать, что если рассматриваемая система двучленна, то она практически всегда «имеет в качестве семантической доминанты личность (как в абхазском или табасаранском), либо одушевленность (таковы — с некоторыми отступлениями — системы хетто-лувийских, шведского и датского, алгонкинских и других языков)» [Плунгян, 2000, с. 153].

одушевленностью, если ее проведение связывается с реакцией существительных на вопрос кто? или что? или что? или что?, не может рассматриваться как жесткая. Ср., с одной стороны: *Но кто же победил? Говорят, что победил порядок* (А. Герцен); *Кто стучит нам в ставни? — Гроза; Кто сегодня с кем играет? — Каспаров с компьютером*; с другой стороны: *Что ты сегодня поймал? — Да немного: щуку и не сколько окуней*²⁹.

Как видим, по значению последовательно разделить существительные на одушевленные и неодушевленные не удается, но в научной грамматике это противопоставление издавна связывалось с морфологическими особенностями слов в склонении. Так, еще М. В. Ломоносов отмечал, что «винительный падеж единственный в одушевленных подобен родительному, а в бездушных — именительному» [Ломоносов, 1952, с. 460]. Толкование этой формулировки со временем уточнялось. Впоследствии было отмечено, что она верна лишь для существительных м. рода I склонения с нулевым окончанием в форме им. падежа ед. числа и для субстантивированных прилагательных м. рода, ср.: *вижу студента, дежурного и нет студента, дежурного* (вин. падеж ед. числа = род. падеж ед. числа, существительные одушевленные); *вижу учебник, целковый ('рубль') и вот учебник, целковый* (вин. падеж ед. числа = им. падеж ед. числа, существительные неодушевленные). Для других групп существительных эта закономерность не прослеживается, ср.: существительные ж. рода: *вижу студентку, стерлядь, дежурную и нет студентки, стерляди, дежурной* (вин. падеж ед. числа ≠ род. падеж ед. числа); существительные м. и общего рода на -а(-я): *вижу юношу, Ваню, судью, плаксу и нет юноши, Вани, судьи, плаксы* (вин. падеж ед. числа ≠ род. падеж ед. числа); существительные и субстантивированные прилагательные ср. рода: *вижу чудище, насекомое и нет чудища, насекомого* (вин. падеж ед. числа ≠ род. падеж ед. числа). Более последовательно совпадение форм вин. и род. падежей наблюдается во мн. числе, поэтому основное правило, позволяющее морфологически отграничить одушевленное существительное от неодушевленного, может быть сформулировано так: у склоняемых одушевленных существительных форма вин. падежа мн. числа всегда совпадает с формой род. падежа, а у неодушевленных существительных — с формой им. падежа ср.: *вижу студентов, дежурных, студенток, стерлядей, юношей, Вань, судей, плакс, чудищ, насекомых и нет студентов, дежурных, студенток, стерлядей, юношей, Вань, судей, плакс, чудищ, насекомых*.

²⁹ В русском языке правила выбора вопросительных местоимений *кто* и *что* «стребуют учета более тонких различий, чем грамматическое противопоставление одушевленности / неодушевленности; ср.: *На что <?> кого? ты ловишь рыбу — на червяка или муху?*, где выбор падежного показателя существительного червяк однозначно определяет его грамматической одушевленностью, а выбор вопросительного местоимения более сложен и зависит от иных факторов» [Плунгян, 2000, с. 146; см. также: Буланин, 1976б, с. 34–36; 99].

плаксы, чудили, насекомоных (вин. падеж мн. числа = род. падеж мн. числа, существительные одушевленные); *вижу учебники, целковые, руки, ночи, окна, ворота и вот учебники, целковые, руки, ночи, окна, ворота* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные). Но и это правило не может считаться универсальным, потому что оно не распространяется на несклоняемые существительные.

Вместе с тем было обнаружено, что указание на одушевленность — неодушевленность всех существительных проявляется в синтаксической сфере: в зависимости от одушевленности или неодушевленности все существительные определяют выбор словоформ согласуемых с ними определений в вин. падеже мн. числа [Милославский, 1981, с. 54–55]. Таким образом, универсальным показателем одушевленности — неодушевленности существительных является синтаксическое поведение согласуемых с ними слов (прилагательных и других слов, склоняющихся подобно прилагательным, а также числительных *два, три, четыре*, собирательных числительных типа *двое, трое, четверо*, местоименно-количественного слова *оба*), ср.: *вижу двух / двоих новых студентов, трех внимательных дежурных, четырех читающих студентов, пятерых высоких юношей, пойманных стерлядей, всех моих судей, обеих / обоих своих плаксы, ужасных чудили, неизвестных насекомых, гениальных мастеров, милых леди* (вин. падеж мн. числа = род. падеж мн. числа, существительные одушевленные) и *вижу свои новые учебники, блестящие целковые, мои забитованные руки, чудесные ночи, чистые окна, закрывающиеся ворота, уютные кафе* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные)³⁰.

Единственным отступлением от универсального правила выражения одушевленности являются формы вин. падежа мн. числа (равные им., а не род. падежу существительных) в составе фразеологизированных конструкций типа *пойти, уйти в художники, в няньки, в трактористы; избрать в академики; рекомендовать в председатели или играть в солдаты, в казаки-разбойники*. Здесь названия лиц по профессии, занятию, социальному положению не обнаруживают грамматических признаков одушевленности, так как имеют не конкретное, а обобщенно-личное значение (ср.: *встречать гостей*, но *пойти в гости*).

У большинства считаемых существительных наблюдается соответствие между их смысловой принадлежностью к одушевленным или неодушевленным именам и их морфологическим и синтаксическим функционированием. Особых замечаний заслуживают следующие группы существительных.

³⁰ Сочетаемость существительных с числительными своеобразна (см. раздел о числительных), поэтому для неодушевленных существительных показательным является согласование с ними слов, изменяющихся как прилагательные.

1. Существительные, которые семантически относятся к неодушевленному, но регулярно употребляются как одушевленные: *мертвец, покойник, кукла, петрушка, марионетка, матрешка, неваляшка*, например: *Тяня, тяня, наши сети притащили мертвеца* (А. Пушкин); *Мы помогли Зайцеву восстановить его куклы; Он показывал петрушек, марионеток, и фокусы* [примеры из: Исаченко, 2003, с. 69]; *обряжать покойника*. Характерно, что обратного соотношения в русском языке не наблюдается: нет существительных с грамматическим поведением неодушевленных, но предназначенных исключительно для названия живых существ. Лишь у небольшой группы слов, называющих низшие организмы (*вирус, микроб, бактерия, бацилла*), наличествуют обе формы: *наблюдать новые бактерии / вирусы / бациллы и изучать новых бактерий / вирусов / бацилл*. При этом отмечается тенденция к употреблению этих слов как неодушевленных [Русская грамматика, 1980, I, с. 463].

2. Существительные, которые в разных случаях употребления по-разному проявляют свою принадлежность к одушевленности — неодушевленности.

а) Существительные, в прямом значении употребляющиеся как неодушевленные, а в применении к живым существам приобретающие формальные признаки одушевленности. Это слова типа *дуб, тюфяк, пеня, шляпа, тряпка, оригинал, размазня* и др., часто встречающиеся в сопровождении определяющего местоимения: *Этого няня не своротилишь* (В. Даль). [*Он*] *любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток* (А. Чехов) (пример из: [Современный русский язык, 1999, с. 396]); *Сегодня я опять встретил этого несносного дуба; сравнить оригинал с копией и нашею оригинала все знают; Как можно любить такого тюфяка?*

Название неодушевленного предмета может употребляться как одушевленное существительное и без отрицательного оттенка, ср.: *осознать дух времени, ценить гений творца, уйти в тень и Я ему ставлю в пример немецких гениев* (А. Пушкин); *Не время выкидывать теней* (Ф. Тютчев) (пример из: [Виноградов, 1986, с. 84]); *...он искал господина носа по всем углам* (Н. Гоголь) (пример из: [Исаченко, 2003, с. 68]).

Слова *идол* и *кумир* в разных значениях выступают по-разному³¹. В значении 'тот, кому поклоняются, кого обожают', употребленные по отношению к определенному лицу, они выступают как одушевленные: *Тринадцати лет, представьте, влюбилась в своего тепленького мужа... До двадцати трех лет ждала, отца прогневила, и пошла-таки за своего идола* (И. Тургенев); *смотреть с восторгом на своего идола, обожать своего кумира; глядеть на идолов кино*

³¹ Описание и примеры употребления слов *идол* и *кумир* заимствованы из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 464].

(газ.). Слово *кумир* в значении 'то, чему поклоняются, подражают; идеал' употребляется двояко, причем чаще встречается как неодушевленное, ср.: *Делать кумира из этого старого, бесполезного человека* (Л. Толстой); *Как Дездемона избирает Кумир для сердца своего* (А. Пушкин); *Вся в прошлом, она постепенно создала себе кумир в добродетели настоящего мужчины* (А. Рыбаков). Существительное *идол* в значении 'статуя, изваяние, которому поклоняются как божеству' может встречаться и как одушевленное: *На берегу Дуная русские поставили деревянного идола Перуна* (А. Н. Толстой); *Митяй сурово смотрел на серых, высеченных языческим резцом идолов* (С. Бородин).

Слова, употребляемые при игре в карты, шахматы, на бильярде (*валет, король, туз, козырь, ферзь, шар*), в ед. числе склоняются как одушевленные существительные: *Мы пошли к Сильвио и нашли его во дворе, сажавшего пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам* (А. Пушкин); *Игроки понтируют на тройку, семерку и туза* (А. Пушкин); пример из: [Виноградов, 1986, с. 84]; *сбросить валета, открыть козыря, отдать ферзя, послать в лузу очень трудного шара*³². Во мн. числе многие существительные этой группы могут употребляться и как неодушевленные, ср.: *открыть свои козыри* (не *kozyрей*) (но: *сдать козыри / козырей*), *побить тузы / тузов козырями, послать в лузу все трудные шары*.

б) Существительные типа *счетчик, бомбардировщик, тралыщик*, в одном из значений называющие живых существ, могут употребляться и как названия неодушевленных предметов. При этом они могут относиться называемые предметы как к неодушевленным, так и к одушевленным, ср.: *сбить бомбардировщик / бомбардировщика, увидеть истребитель / истребителя*. Аналогично используются и другие слова: 1) названия некоторых танцев и песен (*отплясывать гонак, выбивать гонака, спеть «Камаринского»*); 2) названия машин с указанием их марок (*разбить в аварии свой «Москвич» / своего «Москвича», поджечь неприятельский «Тигр» / неприятельского «Тигра»*). Однако называя лиц или животных, такие существительные употребляются только как одушевленные: *набрать счетчиков для проведения переписи населения, наградить истребителя танков, встретить в тайге тигра, потратить в толпе своего спутника, вспомнить Пушкина, но вспомнить Пушкин* (город).

³² «В играх вообще возможно представление неодушевленных предметов как одушевленных. Так, в бильярде известны выражения *играть шара, сбросить шара*. "Такого шара промазали", — сказал студент с насмешкой. Подобно всем игрокам, он склонял ш а р в родительном падеже, как живое существо, ибо ни один бильярдист не может заставить себя видеть в шаре неодушевленный предмет, — так много в нем чисто женских капризов, внезапного упрямства и необъяснимого послушания (Л. Славин)» [Русская грамматика, 1980, I, с. 464].

К этой же группе примыкают имена античных богов, которые являются существительными одушевленными, в то время как омонимичные наименования светил принадлежат к неодушевленным, ср.: *прогневить Марса и наблюдать в небе Марс, почитать Юпитера и рассматривать с помощью телескопа Юпитер*.

Названия водоплавающих существ (рыб, амфибий, моллюсков и т. д.) в прямых значениях употребляются в качестве одушевленных существительных: *ловить окуней, омаров, добывать пиявок*. Обозначая названия кушаний или продуктов питания, приготовленных из этих существ, данные слова проявляют формальные признаки неодушевленности: *Левин ел устрицы* (Л. Толстой); *К Прасковье Федоровне в дом во вторник зван я на форели* (А. Грибоедов) (примеры из: [Виноградов, 1986, с. 83]); *поставить на стол омары, кильки, шпроты, сардины, крабы* (толкуемые как нечто однородное, вещественное или собирательное) (но: *стерлядей, осетров* и т. д.).

В вопросе о статусе одушевленности — неодушевленности в грамматической системе русского языка языковеды не обнаруживают единой позиции. Так, часто одушевленность — неодушевленность лишают статуса отдельной грамматической категории, и одушевленные — неодушевленные существительные рассматриваются как лексико-грамматические разряды внутри имени существительного как части речи [см.: Расповов, Ломов, 1974, с. 23 и сл.; Бондарко, 1976, с. 184–189; Русская грамматика, 1980, с. 464; Камынина, 1999, с. 35–37]. Серьезное обоснование этой позиции содержится в работе А. В. Бондарко «Теория морфологических категорий» [Бондарко, 1976, с. 186–189]. Автор обращает внимание прежде всего на отсутствие в данном случае системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием. Кроме того, А. В. Бондарко постулирует положение о превалировании семантического аспекта при противопоставлении одушевленных и неодушевленных слов: «...признак, связанный с формой винительного падежа, является не чем-то исходным, первичным, что определяет одушевленность или неодушевленность существительных, а напротив, представляет собой следствие, результат принадлежности того или иного существительного либо к разряду одушевленных, либо к разряду неодушевленных, а эта принадлежность определяется прежде всего по смыслу (в некоторых случаях по традиции, зафиксированной в языковой норме, ср винит. падеж *мертвеца*, но *трун*)» [Там же, с. 188]. Однако этот тезис может быть подвергнут серьезному сомнению. Для того чтобы определиться с принадлежностью существительного либо к разряду одушевленных, либо к разряду неодушевленных, опираясь в первую очередь на его значение, нужно предварительно четко разграничить в семантическом плане противопоставление «живое — неживое». А смысловые основания этого противопоставления, как уже неоднократно указывалось, в

приложении к современному русскому языку³³ настолько интуитивно, распыляты и условны, что могут быть охарактеризованы даже как «мифологичные» [Виноградов, 1986, с. 83]. На наш взгляд, напротив, само функционирование таких слов, как *мертвец*, *покойник*, *кукла*, доказывает первичность признака, связанного с формой вин. падежа (т. е. грамматических свойств слов) по отношению к их значению или к влиянию языковой традиции. Иначе как объяснить тот факт, что, несмотря на коллективное осознание этих слов как семантически неодушевленных, носители русского языка тем не менее безошибочно употребляют их как грамматически одушевленные: *вижу мертвцов, покойников, кукол*, но *трупы*? Как видим, в этих случаях говорящий не может уклониться от сообщения сведений об одушевленности — неодушевленности существительных, хотя, может быть, и не собирався этого делать (и делает это неосознанно)³⁴. Таким образом, речь может идти об обязательности выражения расматриваемых значений в русском языке, а обязательность — это один из главных признаков грамматического значения [см.: Плугун, 2000, с. 106–113]. Во всяком случае исходным моментом при определении одушевленности — неодушевленности существительных в грамматической традиции всегда являлось соотношение грамматических форм, а не метод вопросов, в основе которого опора на семантическую доминанту (отсюда, кстати, выделение обширного ряда грамматически неодушевленных слов типа *отряд*, *пролетариат*, обозначающих совокупность живых существ³⁵).

Другой аргумент, выдвигаемый против причисления одушевленности — неодушевленности к морфологическим категориям, также опирается на представление о том, что содержание этой категории «формируется на основе обобщения лексической семантики слов» [Камынина, 1999, с. 36], т. е. является сугубо номинативным и, следовательно, не соответствует тому, что называют грамматическим значением. При таком подходе проблема одушевленности — неодушевленности как грамматической категории может даже не обсуж-

³³ Кроме того, современная семантическая доминанта противопоставления по одушевленности — неодушевленности (живое — неживое) не являлась исходной в процессе становления этой категории. Развитие этого противопоставления в истории русского языка больше связано с развитием языковых представлений в сфере обозначений лиц. О связи одушевленности — неодушевленности с «категорией лица» см.: [Виноградов, 1986, с. 77; 83–85].

³⁴ Этим обстоятельством и объясняются типичные и многочисленные ошибки студентов при определении грамматической одушевленности — неодушевленности данных слов. Забывая о формальных критериях и опираясь только на семантическую составляющую значения существительных, учащиеся наряду со словом *труп* характеризуют как грамматически неодушевленные и существительные *мертвец*, *утопленник*, *кукла*, *марionетка* и т. п. Но затем эта логическая ошибка легко исправляется, так как для носителя русского языка не составляет труда практически правильно употребить данные слова в вин. падеже и сопоставить различия между ними.

³⁵ См.: [Буланin, 1976б, с. 35].

даться, так как из рассмотрения исключается огромный пласт лексики, формирующей существительное как часть речи: «понятие одушевленности (соответственно и неодушевленности) неприложимо к признаковым словам в целом, а также к существительным, не обозначающим конкретные предметы» [Там же, с. 36]³⁶. Если принять данную точку зрения, то вопрос о статусе одушевленности — неодушевленности этих групп существительных речь должна идти уже не об обособлении этих групп существительных разрядах³⁷. Между тем выше показано, что при определении принадлежности слов к одушевленному или неодушевленному (в языковом, а не в бытовом смысле) решающими факторами являются не их значения, а особенности склонения и синтаксической сочетаемости. Следовательно, все вещественные, собирательные и отвлеченные существительные м. рода типа *аналгин*, *пролетариат*, *феодализм*, *бег* (т. е. все несчитаемые (неконкретные) существительные м. рода), а также существительные *plurālia tantum* типа *сани*, *ворота* не только могут, но и должны рассматриваться в рамках данной категории, так как они вполне отчетливо проявляют все грамматические свойства, присущие неодушевленному существительным: *купить свежий фталазол*, *сжечь запасенный уголь*, *отметить весь генерализм*, *покинуть этот ужасный сбор*, *осудить непримиримый антагонизм*, *сделать лечебный массаж*, *услышать веселый смех*, *купить хорошие дрожжи*, *строить хитрые козни*, *прекратить бесполезные хлопоты* (вин. падеж = им. падеж, существительные неодушевленные).

Сложнее решить вопрос об одушевленности — неодушевленности вещественных, собирательных и отвлеченных существительных, относящихся к ж. или ср. роду и при этом не имеющих форм мн. числа. Поскольку у слов этого типа (*сметана*, *молоко*, *молодежь*, *человечество*, *ветхость*, *пребывание* и т. п.) нет форм мн. числа, а формы ед. числа не являются в данном случае показательными (см. выше), то предложено было считать, что «эти существительные стоят вне грамматических отношений по одушевленности — неоду-

³⁶ Ср.: «В некоторых учебных пособиях утверждается, что подразделение на одушевленные и неодушевленные касается всех существительных. Это, конечно, неверно. По отношению к существительным конкретно-вещественным и абстрактным сама постановка вопроса об их принадлежности к одушевленному или неодушевленному (если иметь в виду обозначаемые ими реалии) логически абсурдна» [Распопов, Ломов, 1974: 23].

³⁷ «Семантическое противопоставление одушевленных / неодушевленных слов возможно только в сфере конкретной лексики, но на основе совпадения им., вин. падежей при склонении и согласовании неодушевленными называются и те существительные, которые не обозначают конкретных считааемых предметов: *социализм*, *порок*, *грех*, *трава*, *нежность*, *движение*, *выступление*. В таких случаях имеется в виду, можно сказать, *фигуративная неодушевленность (формальный признак не разграничивает реального содержания)* (курсив наш. — Авт.)» [Камынина, 1999, с. 42].

шевленности» [Буланин, 1976б, с. 36]. Но при таком решении наблюдается явное противоречие: существительные этого типа, относящиеся к м. роду, бесспорно, являются грамматически неодушевленными, в то время как все остальные рассматриваются в качестве не охарактеризованных по признаку одушевленности — неодушевленности. Поэтому более логичным представляется другой подход: «Есть все основания признать слова типа *молоко, листья, изухие* существительными грамматически неодушевленными. Ход рассуждений здесь может быть таким: коль скоро у подобных слов нет форм множественного числа, то у них форма Р. п. мн. числа никак не может совпасть с формой В. п. мн. числа; если же В. п. мн. числа \neq Р. п. мн. числа, то слово, по определению, является неодушевленным. При таком подходе все без исключения русские существительные включаются в грамматические классы одушевленных и неодушевленных существительных» [Русский язык, 2001, с. 519].

В качестве дополнительных аргументов в защиту данной точки зрения можно добавить следующее.

Для многих вещественных существительных не исключены формы мн. числа, и слова ж. и ср. рода, употребленные в этих формах, демонстрируют свою принадлежность к неодушевленным существительным: *исключить из питания все соли, любить хорошие вина*. Этот поддерживающий «фон», на наш взгляд, позволяет говорить о грамматической неодушевленности всех вещественных существительных, включая и слова типа *сметана, молоко*.

Аналогичные сопоставления допустимы и для собирательных существительных вроде *молодежь, крестьянство*, поскольку представление об их неодушевленности подкрепляется поведением сходных по семантике (обозначающих совокупность живых существ), но считаемых существительных типа *толпа, стадо*, явно проявляющих свою грамматическую принадлежность: *видеть большие толпы, тучные стада* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные).

Представление как о грамматически неодушевленных допустимо, вероятно, и для абстрактных существительных ж. и ср. рода *singularia tantum* (типа *стойкость, проворство*): оно поддерживается наличием в составе отвлеченных существительных слов типа *страсть, сомнение*, которые, конкретизируясь, могут употребляться в формах мн. числа, проявляя при этом все грамматические признаки неодушевленных слов, ср.: *изучать новые глубины сознания, показывать удивительные высоты духа, высказывать большие сомнения* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные).

Следует отметить также, что, вероятно, все существительные *singularia tantum* «потенциально не изолированы от форм множественного числа, которые нередко встречаются в поэзии, в языке художественной литературы: *И сколько там сумрака ночи, И тени, и*

сколько прохлад (А. Ахматова); *В часы весеннего томления И пляски белых облаков Бывают головокружения У девушек и стариков* (Н. Гумилев); *Дожди за моим окном, Беды и блажи на сердце* (М. Цветаева); *Я не могу без тебя жить! Мне и в дожди без тебя — суши, мне и в жары без тебя — стыть, мне без тебя и Москва — гушь* (Н. Асеев); *Взаимные вемливости* были произнесены, оба *пожали друг другу руку* (Ф. Достоевский) (выделено нами. — Авт.)» [Камынина, 1999, с. 53]; *Времени нет молоки распивать* (М. Шолохов) (пример из: [Современный русский язык, 1989, с. 412]).

Приведенные сопоставления позволяют предположить, что такие типы лексической семантики, как вещественность, собирательность и отвлеченность (абстрактность), сопряжены с грамматической семантикой неодушевленности.

Подчеркнем также и то обстоятельство, что одушевленность — неодушевленность не вписывается в один ряд с другими лексико-грамматическими разрядами, выделяемыми в составе имени существительного. Если в случаях противопоставления собственных и нарицательных, считаемых и несчитаемых (собирательных, вещественных и отвлеченных) существительных мы имеем дело с группами слов внутри одной части речи, то противопоставление форм, служащих средством выражения одушевленности — неодушевленности, охватывает и слова других частей речи (прилагательных, отчасти числительных и местоимений). Именно так обстоит, кстати, дело и с другими субстантивными морфологическими категориями (родом, числом, падежом). Влияние одушевленности — неодушевленности отразилось на грамматических особенностях согласуемых с ними слов (прилагательных, порядковых числительных, местоименных прилагательных); своеобразно варьируют свои формы, сочетаясь с одушевленными — неодушевленными существительными, количественные числительные; специфически развивается эта категория и на материале субстантивных местоимений (подробнее см. соответствующие разделы при описании конкретных частей речи). Вместе с тем материал русского языка дает многочисленные примеры отступлений от последовательного выражения категории одушевленности — неодушевленности даже в рамках русского субстантива. Все это говорит о том, что в случае с категорией одушевленности — неодушевленности мы имеем дело с развивающимся языковым явлением, формирующейся категорией, еще не получившей последовательного морфологического выражения у всех разрядов слов, потенциально имеющих к ней отношение, но уже не замыкающейся в одной части речи и достаточно важной в грамматической системе русского языка.

Исходя из всего сказанного в данном разделе, одушевленность — неодушевленность имен существительных может быть охарактеризована следующим образом. Категория одушевленности — неодушевленности имени существительного — это несловозменительная

(классификационная) морфологическая категория, согласно которой называемый предмет относится либо к классу грамматически одушевленных, либо к классу грамматически неодушевленных; это противопоставление выражается морфологически (нерегулярно) — специфическим соотношением форм в склонении существительного и синтаксически (регулярно) — выбором словоформ согласуемых с существительным определений (прилагательных и других слов, склоняющихся как прилагательные).

§ 4. Категория рода

Предварительные замечания. В современном русском языке все существительные, за исключением имен *plurālia tantum*, обязательно выступают как слова м., ж. или ср. рода, ср.: *учебник* — м. род; *книга* — ж. род; *издание* — ср. род. Существительное может не обладать, например, морфологически выраженными признаками падежа или числа, ср.: *этот / эти / с этим / с этими эму, эта / эти / с этой / с этими леди, это / эти / с этим / с этими / шоссэ*. Но ни одно существительное в ед. числе, даже если это слово совсем недавно заимствовано из другого языка или является авторским неологизмом, не может оказаться вне рода, почему род и считается едва ли не главной грамматической категорией имени существительного³⁸.

Характеристика по роду «внутренне присуща» [Современный русский язык, 1964, с. 31] существительному, т. е. является синтаксически независимой. Эта категория есть и у прилагательных (в широком смысле слова), и у глаголов (подробнее см. ниже), но род существительного является синтагматически обусловливающей (главствующей) категорией для других частей речи: родовая характеристика прилагательных или глаголов задается родом существительного, с которым эти прилагательные и глаголы синтаксически согласуются, ср.: *На столе лежал новый учебник / лежала новая книга / лежало новое издание*. Вместе с тем род существительного надежнее всего узнается именно с опорой на синтаксический критерий, по родовым формам согласующихся с этим существительным слов.

Категория рода имен существительных в большинстве современных грамматических описаний толкуется как несловоизменятельная (классификационная) морфологическая категория, состоящая из трех грамм., или трех грамматических родов (мужского, женского и среднего), т. е. реализующаяся не в системе словоформ одного и того же слова³⁹,

³⁸ «Категорию грамматического рода некоторые ученые не без основания считали и считают “наиболее характерным морфологическим признаком имен существительных”» [Виноградов, 1986, с. 59]; во внутренних кавычках цитата из: [Лысков, 1926, с. 23].

³⁹ Ср. формулировку этого свойства, обычную для школьных учебников: существительные по родам не изменяются.

а в соотношении разных лексем, рассматриваемых в совокупности их грамматических форм⁴⁰. (О статусе «общего» и «парного» рода см. ниже.)

Семантический (номинативный) аспект категории рода. С семантической точки зрения существительные по отношению к категории рода довольно четко разделяются на две большие и неравноценные по объему группы. Род одушевленных существительных, обозначающих лиц и животных, может иметь номинативное значение, связанное с делением живых существ на особи биологического мужского и женского пола. При этом одушевленные существительные ср. рода, которых очень немного (*существо, дитя, животное, насекомое* и некоторые другие), оказываются неспособными выражать биологический пол. Что касается одушевленных существительных, относящихся к м. и ж. роду, то по соотношению «род — пол» они могут быть разделены на следующие типы⁴¹.

Существительные, обозначающие лиц.

1. Существительные с однозначным соответствием «род — пол» (мужской род = мужской пол; женский род = женский пол). В эту группу входят существительные, обозначающие людей по признакам, свойственным только лицу соответствующего пола, ср.: *брат, садовник, колдун, дворецкий и свекровь, швея, ведьма, горничная*. Большинство таких существительных образует так называемые родовые пары: *мужчина — женщина, игумен — игуменья, граф — графиня, звеньево — звеньева*.

2. Существительные общего рода на *-а(-я)*, которые в зависимости от контекста могут обозначать лицо как мужского, так и женского пола, что синтаксически выражается формой согласованного прилагательного: *большой сластена — большая сластена, незаметный тихоня — незаметная тихоня, надоедливый подлиза — надоедливая подлиза*.

3. Существительные, обозначающие лиц по профессии, занятиям, мировоззрению.

а) Существительные м. рода с нулевой флексией в им. падеже ед. числа, которым регулярно соответствуют существительные ж. рода с

⁴⁰ Впрочем, существует и другое мнение по поводу языкового статуса этой категории. «...Есть основания признать род существительных категорией смешанного типа, преимущественно классифицирующей и частично (на периферии части речи) словоизменяющей» [Камынина, 1999, с. 51]. Речь в этом случае идет о субстантивированных прилагательных и причастиях типа *больной — больная, заведующий — заведующая*, которые толкуются не как разные слова, а как «двуродовые» формы, связанные со словозменением и совмещающие «в своем значении номинативные семы двух родов» [Там же]. Мы примыкаем к традиционной точке зрения, согласно которой представленные случаи рассматриваются в рамках словообразования, и, следовательно, *больная, заведующая* и т. д. толкуются как самостоятельные слова, мотивированные субстантиватами *больной, заведующий* и т. п. [Русская грамматика, 1980, I, с. 227].

⁴¹ Мы опираемся на классификацию М. А. Шелякина [Шелякина, 2001, с. 31–33].